

Сказочник Дэн

12+

Путь Бойца

Budokan

Дэн Тэлер Путь Бойца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43724066

SelfPub; 2019

Аннотация

Посвящается любимым игрушкам детства. Electronic Arts –
Budokan All rights protected

Путь Бойца.

Посвящается моим любимым игрушкам детства.

...Поклон.

Выпрямиться. Стойка. Нижний блок рукой. Мая-гери – удар ногой в лицо. Дзуки – кулаком в корпус. С разворота ногой в колено. Разворот и блок рукой от удара в лицо. Удар рукой в лицо. Йоко-гери в колено и сразу в лицо. Блок с разворот от удара в пах. Разворот. Удар кулаком в корпус. Стойка. Поклон. Выпрямиться. Секунда на восстановление сил.

И снова. То же самое.

Это называется ката – высшая ступень тренировки. К этому я долго стремился, а теперь, когда достиг, начинаю сомневаться в правильности моего пути.

Поклон – лицо на закат. А, может, и на рассвет. Кто теперь скажет наверняка. Для меня все одно. **Выпрямиться** и схватить цепким взглядом красное, словно кроваво воспаленное среди грозовых облаков солнце. Дождя не будет – никогда...

Стойка – я стою на горе. Меня никто не отвлечет. Я могу совершенствовать свое искусство вечно. Только кому оно понадобится?

Нижний блок рукой. Я знаю, что гора исписана светящимися письменами. И я знаю, что там написано. *Выйграть*

сотню побед за сотню боев – не самое высшее достижение. Победить соперника без боя – вот высшая степень мастерства.

Мая-гери. Я много ночей видел эту надпись. Она всегда приходила ко мне во сне: первая заповедь бойца. Но кто знал, что путь война может так кончиться?

Кулаком в корпус. Тут нет корпусов – я один на горе. Победителем. И проигравшим.

С разворота ногой в колено. Да, проигравшим. Победа часто может обернуться поражением. После нее всегда понимаешь, что истинное наслаждение только в пути к ней. Но уже поздно...

Разворот и блок рукой от удара в лицо. Теперь, когда все закончено, только и остается думать, что о том, как бы все повернулось, если бы знал обо всем раньше. Тогда...

Удар рукой в лицо, йоко-гери в колено и сразу в лицо. Понимаешь всю гибельность маршрута и мечтаешь оставить хоть предостережение тем, кто пойдет следом.

Блок с разворот от удара в пах. И тут же понимаешь, что даже если это и выйдет, его все равно не примут.

Разворот и удар кулаком в корпус. Все равно, надрываясь, обламывая ногти, с хрипами и стонами, будут ползти, проклиная все на свете, к вершине.

Стойка. Если бы они знали, что ждет их тут...

Поклон. И если бы знал я...

Выпрямиться. Сколько раз я уже выполнил это ката?

Тысячу? Миллион? Больше? Я бросил считать. Я знаю, что в любой момент могу прерваться...

Секунда на восстановление сил. ...и вернуться в начало. И пройти все это снова. Нет, ни за что. Я буду здесь, куда хватит сил. А их, насколько я понимаю, у меня бесконечное количество. Или до тех пор, пока чужая воля не отберет у меня мой выигрыш и не сбросит обратно, в самое начало пути. И ведь самое обидное то, что я очень хорошо помню, и как это все начиналось и к чему все это привело... Я не вернусь, куда на то моя воля. Но это значит, что я обязан делать то, что положено. Повторы ката. Бесконечно... И может быть, я придумаю выход...

Поклон – лицо на закат. А, может, и на рассвет. Кто теперь скажет наверняка. Для меня все одно. **Выпрямиться** и схватить цепким взглядом красное, словно кроваво воспаленное среди грозовых облаков солнце. Дождя не будет – никогда...

День 1

Прохлада. Лед. Мороз. Холод. Холод. Жесткое покрытие отрезвляюще вливает его в ступни. Голова словно в огне, тело стонет от бушующих волн пылающей крови, но в ногах – холод. Подошвы моих ног стертые, превращены в омертвевшие мозоли многолетними, каждодневными тренировками и пробежками. Я уже забыл, что такое обувь. Я хожу по снегу, по песку, по гравию и не чувствую между ними разницы, но

этот холод я ощущаю. Ощущаю не кожей, не нервами и не рецепторами. Ощущаю самим собой. Потому что я знаю об этом холоде. Я знаю, что он должен быть здесь.

Это ненадолго, через пару мгновений, когда я сделаю несколько первых движений, выискивая более удобную стойку, подошвы моих ног скользнут по кажущемуся холодным татами и раскалятся, словно я балансирую на раскаленных угольях. Вспыхнут жаром застарелые трещины кожи, отзовется очагом горячей боли когда-то выбитый из сустава большой палец правой ноги.

Но я быстро забуду об этом. Я всегда об этом забываю, как только принимаю стойку. Для меня гораздо важнее позаботиться о коленных суставах, извечном слабом месте всех спортсменов. Это только кажется, что чувствительнее всего ступни или ладони, на самом деле колени – вот, что страдает в первую очередь, вот где сразу отражаются все, даже самые мелкие ошибки техники.

Но нет! В ближайшие несколько минут я не буду думать даже о коленях, как не буду думать о четко поставленной позиции ног, развернутых чуть меньше прямого угла – пятки на одной линии, как не буду думать о весе тела, чуть больше распределенном на опорную ногу. Я не буду думать и о копящемся напряжении в плечевом поясе, слегка приопущенном, чтобы дать большее расслабление бицепсам и локтевым суставам рук. Я не буду думать и о мышцах шеи, вытянутой вперед и вниз, которые готовы моментально подать сигнал

рвануться головой в сторону, чтобы уйти от атаки.

Я не буду думать ни о чем, связанном с будущим боем, и ничто не отразится в моих глазах, безо всякого выражения следящих за соперником. Я – боец! Я – настоящий воин. И никаких сомнений в победе!

Мой соперник – Горо Суцуки, ученик школы Озеки-Рю. Улыбчивый веселый парень, почти не похож на японца. Все пытается накормить меня суши – очень любит рыбу. Только вот я ее терпеть не могу.

У него на голове повязка для сдерживания волос – которая, правда, ему совершенно не нужна, у него короткие, аккуратно разложенные на косо́й пробор волосы. Вместо традиционной, под цвет пояса, он использует красный с белым платок, завязанный узелком над левым виском. Я знаю, он мне рассказывал, что это сшила ему его девушка. Он даже показывал мне ее фотографию. Я посмотрел – ну так, ничего особенного. Длинноволосая, косоглазенькая. Обычная японочка. Но Горо от нее без ума, каждый день пишет ей письма и читает их мне вслух. Он меня считает своим настоящим другом. И он, наверное, прав. Мне он тоже нравится, этот парень.

Я справлюсь с ним. Он хорош, кто спорит. Он даже сильнее меня, чуть выше – что редкость для японца. Он быстр. Но в схватке нет места шуткам, а он шутит всегда, даже во время боя. Поэтому он проиграет.

Я не боюсь его. Да, я помню, когда-то ему удавалось меня

одолееть, но это случалось так редко, что можно считать случайностью. Как правило, я его легко побеждал.

Не опасаясь я и следующего, Ейджи Кимуру, из школы Ягю-рю. Он сражается мечом, но я легко справляюсь с ним голыми руками. Он слишком нетерпелив и совсем не заботится о защите. Впрочем, чему удивляться. Ему же только два месяца назад исполнилось шестнадцать. Собственно, его тогда и допустили к схваткам.

А вот третий – это хуже. Джимми Доран. Он тоже молод, младше меня года на четыре, но он опасен. По-настоящему опасен. И не только умением драться. Я страшусь его. И каждый раз, выходя против него на татами, страшусь не вернуться живым...

Но все это потом, а сейчас – холод! В моих ногах спокойный холод, я черпаю уверенность в твердом синем покрытии. Кимоно свободно лежит на моих плечах. Черный, как сила, пояс уверенно охватывает талию и свисает вниз двумя идеально ровными лентами. Руки касаются запястьями бедер, левая нога чуть впереди, чтобы быстрее перейти в стойку. Я готов!

Поклон! При движении вниз все мысли исчезают, в голове остается только прохлада, словно я стою на открытом холме и меня обдувает тихий ветер. Разгибаюсь. Моя левая нога скользит вперед, тело автоматически распределяет вес по ногам. Я знаю, что одновременно поднимаются руки, тренированное тело само дает команду перейти в оптимальную

стойку.

Правая руки, прижимаясь, поднимается по бедру и замирает на ладонь выше черной ленты пояса. Она сжата в кулак и повернута ребром к земле. Напряженные центральные фаланги пальцев почти дотягиваются до линии поясного узла. Левая плавным движением вытягивается перед корпусом открытой ладонью вперед. В центре ладони таится жар. Мне говорили, что там сосредоточено биополе, которым лечат больных. Я замираю и жду. Я готов! Я в стойке!

Горо, как всегда, отстал. Я уже стою в стойке, а он только завершает поклон. Можно этим воспользоваться, крикнуть, кинуться на него, пока он не успел собраться, но это не мой стиль. Он скользнул в такую же стойку, что и я, и немедленно двинулся ко мне. Я невольно залюбовался его отточенными, выверенными движениями, значительно более пластичными и грациозными, чем мои.

Два подшага, подождал, еще подшаг и прыжок. Даже здесь не может удержаться от своих штук... Горо сжимал свободную руку в кулак во время прыжка и разжимал при приземлении. Так всегда делаю я – дразнится! Еще прыжок и на губах Горо появилась такая знакомая мне ухмылка. До меня осталось не более четырех шагов. Руки Горо слегка распахнулись, открывая грудь, он чуть присел, собираясь покрыть разделяющее нас расстояние прыжком, но я успел первым...

Мозг отдал телу команду прежде, чем я успел оценить обстановку. Я взвился вверх и вперед, разворачиваясь в возду-

хе. Тяжелый удар ногой пришелся точно в открытую грудь Горо. Он пошатнулся, но не упал и я похолодел, когда увидел, что его улыбка стала только шире и понял, что он открылся специально. Я приземлялся на татами и видел метнувшуюся ко мне левую руку Горо, сжатую в кулак. И ничего не мог сделать! Удар был направлен в пах и, если он достигнет цели, схватку можно считать законченной.

Я пришел на левую ногу, изменив в воздухе распределение веса тела. Стоял я в очень неудобной позиции, меня можно было бы легко свалить с ног, но от непосредственной угрозы успел уйти и тяжелый удар пришелся на бицепс правой ноги. Практически нечувствительно!

Я отступил назад, Горо успел еще раз ударить меня ногой в колено, но это уже было так, скорее дань рефлексам. Он прыгнул ко мне еще раз, махнул рукой, прямой удар в солнечное сплетение, я легко заблокировал и нанес серию ударов ногами. Последний пришелся в живот – мне показалось, что я угодил по скале, – и Горо отлетел назад.

Его глаза слегка затуманились и я понял, что пора переходить в атаку. Один из моих коронных приемов – это серия ударов двумя ногами в прыжке вперед. Я отталкиваюсь опорной правой ногой, лечу вперед и наношу удар левой ногой в лицо. Сам по себе он несильный, его без труда можно заблокировать, но он маскирует следующий, гораздо более опасный удар. Пока внимание соперника приковано к летящей к нему в лицо пятке, поджатая во время прыжка правая

нога разгибается и со страшной силой отшвыривает его назад. Тело по инерции скручивается и, чтобы сохранить равновесие, левая нога сама опускается вниз. А там уже татами, через секунду я снова в стойке и готов наносить еще один прием, благо соперник шатается и пытается ровно встать после предыдущего. К сожалению, эта серия, хоть и эффективная, но отнимает очень много сил, поэтому в нее входит максимум трех-четыре удара.

Впрочем, для Горо этого вполне достаточно. Прыжок, удар, удар, встать, прыжок, удар, удар, встать, прыжок, удар, удар, встать. Горо, прижатый к дальнему углу татами, тяжело шатался, еле стоя на ногах. Я подошел ближе и ударил ногой с разворота. Горо дернулся поставить блок, но я знал, что он так и сделает, поэтому удар только казался направленным в лицо. На самом деле я просто подцепил его за колено. Горо потерял равновесие и стал размахивать руками, открыв пресс и моя нога тут же глубоко вонзилась в солнечное сплетение. Горо всхлипнул, схватился руками за грудь и повалился на татами лицом вниз. Нога, за которую я его зацепил, неловко подвернулась под тело и он взвыл от боли, не отрывая лица от татами.

Я поднял глаза и встретился взглядом с крепким мужчиной европейского типа. Он был в кимоно и в черных очках. Рядом с ним, вполоборота ко мне, стоял неизвестный мне человек в зеленой куртке и серых слаксах. Он тоже был в очках. Их лица полыхали ненавистью.

На моем лице не отразилось ничего. Я поклонился в направлении поверженного соперника, спиной отступил с татами, повернулся и пошел в свою комнату.

Но мне даже не дали толком передохнуть. Я успел только сесть в позу лотоса и закрыть глаза, как услышал шквал аплодисментов и понял, что в зале появился Джимми Доран. Его всегда приветствовали криками восторга. Еще через минуту дверь моей комнаты отворилась и человек в зеленой куртке молча поманил меня пальцем. Я поднялся и пошел за ним. Мы прошли по коридору и я вновь оказался на татами. Напротив стоял Ейджи Кимура, одетый в темно-синий фехтовальный костюм. На лице у него была маска. Длинный меч отсвечивал золотом в свете ярких прожекторов зала.

Я чувствовал себя очень странно. Я совершенно не опасался этого юнца, но мне настолько не хотелось драться, что я был готов отказаться от схватки. Из меня словно вынули всякое желание сопротивляться.

Но едва ли все это бы понял Ейджи и поэтому мне пришлось поклониться и выпрямиться в своей излюбленной стойке. Я не мог позволить распространение слухов о том, что я испугался шестнадцатилетнего юнца. Но схватки мне не хотелось совершенно.

И это была не схватка. Это было избиение. Бедный мальчик не успел нанести ни одного удара. За время схватки он четыре раза вылетел с татами и, когда он еле стоял от измождения на ногах, я нанес ему удар ногой в прыжке с разворота.

Ейджи упал на колени, как подрубленный, так, словно ему на плечи рухнуло небо со всеми звездами, лунами и планетами.

Меч вылетел у него из руки, отлетел на шаг и я знал, что теперь у меня есть непримиримый враг. Детская психика не позволит простить перенесенный позор. Просто проиграть – не зазорно, но потерять меч... Что же я мог поделаться, Ейджи? Извини, малыш... Я не хотел.

Я сошел с татами, кто-то накинул мне на плечи теплый халат. Только сейчас я понял, что гул в ушах, который я принимал за рев крови, на самом деле восторженные крики публики. Я обвел глазами зал. Мне хотелось крикнуть им: «Да что же с вами всеми происходит? Как вы можете радоваться тому, что я, здоровенный каратист, только что на ваших глазах избил ногами мальчишку. Почему вы не хватаете меня, не связываете, как больного, и не сажаете в сумасшедший дом?!»

Меня настойчиво дергали за руку, я сфокусировал взгляд на миловидном восточном личике.

– Скажите, мистер Прет, вы будете сегодня сражаться с Джимми Дораном или отложите бой на завтра?

– Что вы ели на завтрак? – вмешался длинный и худой, как жердь, парень в клетчатом пиджаке.

– Правда ли, что вы спите со своей собакой?

– Что вы можете сказать о последней схватке?

– Пожалуйста, не шевелитесь, мне нужно вас сфотографировать.

Вспышка ударила в глаза молнией, медленно гасли светлые круги.

– Вы давно участвуете в чемпионате?

– Какой зубной щеткой вы пользуетесь?

Темная двухстворчатая дверь, покачиваясь, приближалась. За ней тишина, отдохновение.

– Говорят, на соревнования собирается приехать Арни Густафсон. Вы не боитесь?

– Вы часто мастурбируете?

Дверь закрылась и шквальный гам вопросов прервался, словно отсекло голову гильотиной. Я, сгорбившись и по-стариковски загребая ногами, прошаркал в свою комнату. Там меня ждал сюрприз. В моем единственном кресле развалился полуголый здоровяк. Его знаменитая широкополая соломенная шляпа лежала на соседнем стуле. В дальнем углу комнаты скромно стояли двое невысоких людей в темных костюмах. Еще один, в гавайской рубашке навыпуск, в темных очках, сидел на моем письменном столе, перебирая в руках какие-то бумаги. Увидев, как я вхожу в комнату, он встрепенулся и бросился ко мне навстречу.

– Дорогой Прет, – залопотал он, пытаясь схватить меня за руки и проводить в комнату, словно я был слишком глуп, чтобы справиться с этим без его помощи. – Как я рад, что вы нашли время заглянуть. Я – адвокат мистера Дорана. Меня зовут Ричард Фенстер, но вы меня можете называть просто «мистер Ричард Фенстер». У нас есть очень интересная тема

для беседы.

Я, не обращая на него внимания, подошел к Джимми и посмотрел на него сверху вниз.

– Ты сидишь в моем кресле, – мой тон не предвещал ничего хорошего.

– Ты заметил? – удивился Джимми. – Наблюдательный.

– Не можешь дотерпеть до завтра? – я встал в стойку, по которой можно было догадаться, что я собираюсь ударить.

– Вот как раз по поводу завтра мы и хотели бы побеседовать, – неожиданно встрял адвокат. – Джимми, детка, встань из кресла, не раздражай мистера Прета, а то вдруг он из-за этого не сможет как следует сосредоточиться на предмете беседы.

Джимми смерил меня презрительным взглядом, взял шляпу со стула, надел ее и встал. Он был длиннее всего на полголовы, но тяжелее на добрых двадцать пять килограмм и это были двадцать пять килограмм прекрасно тренированных мускулов, горы которых возвышались надо мной вавилонской башней. А над ними из-под придурковатой шляпы на меня был нацелен острый взгляд, под которым я ощущал себя, как под оптическим прицелом снайпера.

– Итак, мистер Прет, – продолжил адвокат, – если вы теперь готовы к общению, то я был бы рад сформулировать ваши требования.

– Чего надо? – демонстративно отряхивая кресло, поинтересовался я. Со стороны Джимми донесся сдавленный сме-

шок.

– Очень интересное предложение, – отозвался адвокат. – Вы, наверное, слышали, что теперь на боях действует тотализатор. В процессе боя ставки можно менять, переустанавливать, увеличивать и отменять. На завтрашний бой уже поставлено очень много денег. Если вам интересно, то на завтрашний бой средняя ставка четыре целых восемьдесят одна сотая за Джимми против одного за вас. Наша задача...

– Да что ты с ним болтаешь? – вмешался Джимми, нетерпеливо топчущийся на месте во время всего монолога адвоката. – Скажи, чего от него надо и все.

– В течении боя симпатии зрителей часто меняются и на этом можно неплохо сыграть.

– Если ваш детка Джимми достаточно силен, он сумеет со мной справиться. Если же нет, то я ему помогать не собираюсь, – отрезал я.

– Что вы, – в притворном ужасе всплеснул руками адвокат. – Неужели вы могли подумать, что мы хотим предложить вам поддаться?! Ни в коем случае! Сражайтесь изо всей силы и, может быть, вам удастся уйти с татами всего лишь искалеченным. Мы просто хотели попросить вас попробовать продержаться против Джимми хотя бы два или три раунда. Он соглашается баловаться с вами не больше одного раунда, а за один раунд мы не успеем поднять ставки и на двадцать процентов. Но если вы продержитесь два, три или, ну это уже из раздела фантастики, четыре, то мы суме-

ем поднять ставку втрое. И, поверьте, вы внакладе не останетесь. Поэтому постарайтесь продержаться подольше.

– Не могу вам этого обещать, – покачал я головой, – но могу гарантировать, что постараюсь запихнуть вашему Джимми его палочки ему в... рот в течении первых пяти минут.

– Вы даже себе не представляете, – промурлыкал адвокат, – насколько большая редкость настоящие оптимисты в наше время. И насколько приятно с ними встречаться. Всего хорошего. Пойдем, Джимми.

– До встречи на татами, – бросил, выходя из комнаты, Джимми. И хищно улыбнулся.

Двери в здании не закрывались и я подпер ее креслом. Мне очень хотелось побыть одному. Я стянул с себя кимоно, аккуратно разложил его на полу. Вечером отнесу его в стирку. Затем сходил в душ, долго тер себя жесткой мочалкой, с наслаждением сдирая накопившиеся за день на теле грязь и пот. И наконец, чистый, свежий, вышел и растянулся на циновке, постеленной на полу.

Заснуть не удавалось. Мне не давало покоя странное ощущение нереальности происходящего и от этого я испытывал сильный дискомфорт. После нескольких безуспешных попыток расслабления я поднялся, закрыл все окна, сел на пол в позу лотоса и стал искать в себе ответы.

За опущенными веками находится целый мир. Даже больше, чем мир. За опущенными веками находишься ты. Когда ты закрываешь глаза и начинаешь вглядываться во что-

то, спрятанное в темноте, ты понимаешь, что пока ищешь – прозреваешь.

Я не хотел бить этого мальчика. Я был готов отказаться от схватки. Это был не я, который, словно зверь, накинулся и жестоко избил юнца. Я помню, однажды у меня была подобная схватка. Когда я проиграл три боя подряд, меня подхватила волна ярости, холодной, всеослепляющей, и я так же избил на татами санкю местной школы карате. Но в этот раз я был совершенно хладнокровен перед боем. И не желал схватки. Мои действия словно были продиктованы свыше и я не мог их остановить.

Неровным ритмом прозвучал знакомый стук, я поднялся, отодвинул кресло и распахнул дверь, пропуская Горо внутрь. Горо ворвался, как метеор, оттолкнул меня, успев сунуть мне в руки пакет, рухнул на пол и стал кататься по полу, зажимая руками живот и дрыгая ногами.

– Ты пробил во мне дырку, – громко простонал он. – Как же я теперь, по-твоему, буду получать удовольствие от саке, если оно будет тут же выливаться наружу.

– Как там? Не очень сильно тебе досталось? – на всякий случай поинтересовался я.

– Да ерунда. – Горо легко поднялся. – Угадай, что я тебе принес.

– Наверняка, какой-нибудь очередной вариант суши, – скривился я.

– Не какой-нибудь, а нигири-суши, – гордо заявил Горо. –

Все иностранцы предпочитают именно его. Тебе должно понравиться. Попробуй.

– Спасибо, Горо, – я отложил пакет на стул. – Но у меня сейчас нет аппетита. Я обязательно попробую попозже.

– Слушай, Прет, – Горо стал непривычно серьезным. Он поднялся и встал напротив меня. – Что с тобой сегодня случилось? Зачем ты так набросился на бедного Ейджи? Ты ведь и так бы с ним справился. И что, ты свел дружбу с Джимми Дораном? Он ведь мафиози.

Я тяжело вздохнул.

– Я не знаю, Горо. Я вообще не хотел драться. Такое ощущение, что в меня вселился какой-то дух, который заставляет меня действовать против моей воли.

Горо недоверчиво хмыкнул.

– Если бы это случилось во время завтрашнего боя с Дораном, я бы и слова не сказал. Но Ейджи еще совсем мальчонка... Ты уверен, что ты в порядке? Может быть, сходишь к наставнику?

– Может, и схожу. – Я посмотрел на Горо. – Горо, скажи мне честно, тебе никогда не бывает странно от того, что происходит?

– Конечно! Особенно когда я вижу, как из твоей комнаты выходит твой завтрашний соперник с тремя громилами. А что ты имеешь в виду? – Горо уже бросал по сторонам косые взгляды. Он не умел долго оставаться серьезным.

– Да забудь ты про этого Джимми, – с досадой отозвался

я. – Они просто пришли меня попутать, но не на того напали. Я про ощущения. Мне кажется, что все идет как-то слишком правильно.

– И ты этим недоволен? – удивился Горо. Он якобы машинально взял пакет со стула и стал вертеть его в руках. Я сделал вид, что ничего не заметил. – Ты хотел бы, чтобы все шло наперекосяк?

– Слушай, Горо. Мы ведь словно играем какие-то роли, разве ты не чувствуешь.

– Мы всегда играем роли, – Горо запустил пальцы в пакет, выудил оттуда совершенно несъедобный, на мой взгляд, кусок рыбы, бросил его в рот и стал медленно пережевывать, прикрыв от удовольствия глаза. – И в данный момент моя роль мне очень даже по душе.

– Горо, – тихо спросил я. – Сколько времени?

– Двадцать один сорок, – тут же ответил Горо. – А что?

– Как называется оружие Дорана?

– Тонфа. Знаешь, откуда он его взял? Как-то ездил в Россию, поссорился там с двумя полицейскими, поколотил их и отобрал у них. Они там все с такими ходят.

– Кто будет следующим?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.